

“мы не делаем рекламы на нашем браке”

Даниэла Десса: «Ни с кем я не пою так страстно и самозабвенно, как с Фабио» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

Окончание.
Начало на странице 01

Что ж, это и вправду сквозило в ваших дуэтах в «Тоске». Вы говорили, что готовы сделать для своего мужа то же самое, что Тоска сделала для Каварадосси. Но если вспомнить сюжет, то там все плохое начинается из-за того, что Тоска слишком ревнива. Вы ревнивы?

Даниэла: Кошмарно. Я невероятно ревнива. Ко всем и вся. Слава богу, он никогда не давал повода.

А в «Трубадуре», который вы тоже пели вместе, уже ревнует тенор. Что скажете, синьор Фабио?

Фабио (говорит тихо, спокойно, но с чувством): Я, пожалуй, еще сильнее ее ревную. Да, (смотрит на Даниэлу) сильнее...

Вы оба из Генуи — наверное, знаете друга друга с молодых ногтей?

Даниэла: Нет, все было совсем не так — мы познакомились пять лет назад на гастролях Metropolitan Opera в Японии. Но Фабио утверждает, что он положил на меня глаз (прикладывает палец к правому глазу) еще в 1981 году и именно в Генуе. Я тогда дебютировала в партии Лауретты в опере Пуччини «Джани Сккики», а он был солистом хора.

Фабио: Да, я первый ее заметил...

Мне известно, что в начале своей карьеры вы, Даниэла, тоже много постояли в массовках. Скажем, в «Аиде» прошли путь от девушки на площади до жрицы. И в консерватории не чурались никакой работы. Говорят, что спокойно могли спеть и за тенора.

Даниэла: Да, я и в самом деле была нарасхват. Когда кто-то заболел, неважно, меццо или колоратура, все говорили: «Надо звать Дессу — она все споет». Я и в самом деле, как человек из музыкальной семьи, очень быстро учила новую музыку.

Именно благодаря этому качеству вы впервые спели сначала с Риккардо Мути, а потом с Пласидо Доминго, и эти контракты моментально сделали вас звездой. Расскажите, как все было.

Даниэла: Риккардо Мути впервые мне позвонил в 1987 году во время фестиваля в Равенне, на котором я пела, а он там жил. Я тогда получила травму ноги и еще ходила с тростью. После первого спектакля ко мне пришел директор La Scala и спросил, пела ли я в «Риголетто». Я ответила, что на сцене никогда не пела Джильду. Но оказалось, что речь идет о записи диска, и я согласилась. Конечно, я не знала партии целиком...

С Доминго случилась похожая история за два года до того. Мне позвонили и спросили, интересно ли мне будет спеть Дездемону с Доминго в роли Отелло в Барселоне — спектакли начнутся через неделю. Я тут же отказалась, поскольку совершенно не знала партии, а выучить ее за такой срок было просто нереально. Всю ночь я размышляла, так ли это нереально и правильно ли я сделала, что отказалась. И они будто знали — позвонили на следующее утро, и я после минутного размышления сказала «да».

Фабио: Я тоже не испытываю трудностей с разучиванием новых партий, поскольку рос в музыкальной семье и многие из них фактически знаю на слух еще с раннего детства.

Ваш брат — известный дирижер, жена — оперная певица. Не бывает так, что после какого-нибудь спектакля на вас обрушивается лавина критики с двух сторон? Вам никогда не хочется, чтобы профессиональных музыкантов вокруг было меньше?

Фабио: Самый страшный критик для себя — это я сам. Даниэла только помогает. Ее присутствие в моей жизни, в моем творчестве — это счастье. Что касается брата, то для нас с ним музыка с самых ранних лет была игрой. Мы постигали ее через игру, здесь никогда не было ни соперничества, ни какого-то жесткого критицизма.

Синьора Десса, с 1987 года и по сей день вы часто поете под управлением Риккардо Мути. Как вы смогли так долго проработать вместе — говорят, у маэстро довольно нелегкий характер?

Даниэла: У Мути-человека не самый простой характер, чего нельзя сказать про Мути-дирижера. На сцене он прежде всего профессионал. Надо сказать, мне было проще работать с ним в молодые годы, поскольку тогда я выполняла практически все его требования. Сейчас, когда я стала более зрелым музыкантом, у меня часто появляется свое видение роли, и здесь все несколько сложнее. Но не так давно я пела с ним в Равенне, именно там, где мы впервые познакомились, и не было никаких проблем — Мути с уважением относится к музыкантам, если видит, что им есть, что сказать.

У театра La Scala, где вы оба неоднократно пели, тоже не самый легкий характер. Иногда публика бывает очень капризна и жестока.

Даниэла: Мне кажется, что не только миланская, но и вся итальянская публика в целом очень избалованна и требовательна. Но, в сущности, она требует от певца только одного — хорошего пения.

Вы считаете, что никогда не бывает ошибок? В La Scala были ошквары и ошквары многие знаменитые вокалисты, зачастую очень неплохо певшие, но, например, не «свои» партии.

Даниэла: Мне все же кажется, что если певец по-настоящему здорово поет, то публика принимает даже его эксперименты. Спела же сопрано Гена Димитрова партию Амнерис в La Scala — и был триумф. Главное — петь хорошо, тогда все будет в порядке.

Вот вы превосходно пели на премьере «Тоски», однако несмотря на это далеко не все было в порядке. Мне показалось, что в этой постановке вы оба испытывали дискомфорт, оттого что Дзеффирелли слишком сузил сценическую площадку. То ли дело его спектакль в Metropolitan, где есть место для выражения ярости, страсти, ревности, — можно эффектно пройти по сцене, побегать навстречу возлюбленному.

Даниэла: Конечно, мы актеры, и мы можем работать в разных условиях. Но вы правы: эта постановка «Тоски» — в честь столетия римской премьеры. Это был так называемый полуконцертный (semi-staged) вариант, созданный Франко Дзеффирелли специально для малоподвижного Лучано Паваротти. Для Фабио, как вы можете заметить, такой проблемы не существует.

Фабио: Скорее существует обратная — как-то я пел Каварадосси на огромной сцене Arena di Verona и искренне боялся, как бы не потеряться (смеются).

Еще я страшно сожалею, что вы пели в микрофон...

Даниэла: Да, микрофоны для оперного певца — скорее помеха, чем подмога. Певец слышит свой голос изнутри, ориентируясь на привычные ощущения, а здесь мы слышали наши голоса снаружи, и это сбивало.

Фабио: Да, микрофоны крепились прямо на нас, и я, например, должен был постоянно думать, куда петь, — микрофон находился в диадеме у Даниэлы, и об этом нужно было постоянно помнить.

Даниэла: Когда я в этом же зале пела в «Турандот» на гастролях La Scala, микрофоны находились на линии рампы, и это было значительно удобнее.

На премьере творилась вакханалия со звоном мобильных телефонов, который заглушал музыку. В какой стране чаще всего раздаются звонки во время спектаклей?

(Смеются и смущенно произносят в один голос): В Италии.

Даниэла: Везде есть традиция, когда кто-то из администрации перед спектаклем просит выключить мобильные средства связи. Но все равно звонят.

Это мешает или певцам не очень слышно?

Даниэла: Это ужасно мешает. Недавно я пела в «Баттерфляй», и только начала арию Un bel di vedremo, когда Чيو-Чю-сан ждал возлюбленного, как в зале раздались очередное трень-трень. О! Вот и он, Пинкертон, наконец-то позвонил — подумали я и, вероятно, большая часть публики...

Большой риск для певицы — рожать в расцвете карьеры. Неизвестно, как поведет себя голос.

Даниэла: Я, наверное, исключение из правил. После рождения Джакомо мне стало только легче петь. Может быть, мой метаболизм изменился. Голос словно помолодел, хотя я знаю певиц, у которых с этим проблемы. Но я счастлива не только потому что с голосом все обошлось — рождение ребенка многое расставило у меня в голове по своим местам. Теперь я стала понимать, что в жизни есть вещи поважнее карьеры. И еще я очень счастлива, что подарила ребенка своему любимому человеку.

Он наверняка уже учится музыке?

(Оба смущенно хихикают и переглядываются): Он, конечно, играет на пианино (начинает Даниэла), но хочет стать футболистом (тихо заканчивает Фабио).

С вами невероятно легко общаться, хотя передо мной две оперные знаменитости. Вы когда-нибудь ведете себя как капризные звезды?

(Почти хором) **Даниэла:** Нет, этого сейчас уже не нужно. Важно знать себе цену, остальным совсем не надо этого показывать. А времена, когда «дивы» правили бал, прошли.

Фабио: Даниэла поет двадцать пять лет, я — восемнадцать. С каждым годом мы приобретаем все больше опыта, все больше мастерства — зачем нам изображать из себя кого-то, когда и так все в принципе неплохо?